Для цитирования: Нехамкин В. А. Структура теории в современном историческом познании (на примере концепций причин поражения РККА в начальный период Великой Отечественной войны): философско-методологический анализ // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 116—127. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-00-00

УДК 167.7; 930.2

СТРУКТУРА ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ ПРИЧИН ПОРАЖЕНИЯ РККА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ): ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию отдельных концепций причин поражения Красной Армии в 1941 г., сформировавшихся в историографии СССР, России и за их пределами с XX в. по настоящее время. Данные теории изучаются как разновидности научно-исследовательских программ И. Лакатоса, имеющие базовые положения («твердое ядро») и состоящий из гипотез «защитный пояс». Выявляется эвристический потенциал каждой концепции, ее сильные и слабые стороны в методологическом плане.

Цель. Рассмотреть концепции причин поражений РККА 1941 г. в современной историографии на базе модели научно-исследовательских программ И. Лакатоса; сопоставить между собой данные теоретические конструкции.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ. Применяется модель научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Как средство познания привлекается контрфактическое моделирование прошлого.

Научная новизна исследования. Концепции причин поражения РККА в 1941 г. исследованы на базе модели научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Реконструированы «твердое ядро» или базовые положения данных теорий, «защитный пояс» и составляющие его гипотезы. Анализируется структура как официальной доктрины «вероломного нападения», так и альтернативных ей теоретических конструкций. Сравнение концепций позволяет увидеть связь их «твердого ядра» и «защитного пояса».

Результаты. В современной историографии выявлен ряд теорий поражения РККА в 1941 г.: официальная доктрина «вероломного нападения», «упреждающего удара», ментальная, «сознательного разгрома», экономико-ментальная. Данные теоретические конструкции выступают как противоположности друг друга в мировоззренческом и идеологическом плане. Однако теоретико-методологический анализ и сопоставление данных концепций позволил выявить наличие у каждой из них общей методологической основы. Это набор базовых положений и состоящий из гипотез «защитный пояс». Между данными элементами в каждой теоретической конструкции выявлен сложный комплекс взаимодействий. Отмечена позитивная роль взаимной критики теорий как средства, препятствующего догматизму познания.

Выводы. Концепции поражения РККА летом 1941 г. пока только ищут точки соприкосновения. Тезис подтверждает факт преемственности в каждой из них некоторых базовых положений. В теориях присутствует сильный элемент конспирологии. Гипотезы из «защитного пояса» часто формируются на базе квантора всеобщности. Это заставляет сомневаться в их истинности в случае эмпирических проверок. Причинно-следственные связи не всегда обоснованно экстраполируются из одного периода прошлого в другой. Допускается преувеличение роли И. В. Сталина в происходивших событиях. Указанные теории демонстрируют плюрализм позиций по обсуждаемому вопросу. Анализ показал, что данные концепции нуждаются в дальнейшем теоретико-методологическом совершенствовании. Примечательно, что модель научно-исследовательской программы И. Лакатоса, созданная преимущественно на примерах из естествознания, работает и в гуманитарных науках.

Ключевые понятия:
научно-исследовательская программа,
«защитный пояс»,
«твердое ядро»,
концепции причин поражения РККА в 1941 г.,
теория.

Введение

После завершения Великой Отечественной войны прошло почти 75 лет, но споры вокруг ее неудачного для СССР начала 22 июня 1941 г., огромных человеческих и материальных потерь, отступления РККА вплоть до столицы страны Москвы ведутся и по сей день. Эта война, по признаю К. М. Симонова, «такой вдавила след, и стольких наземь положила», что осмыслять ее беспристрастно, спокойно, еще долго будет сложно. Конечно, ответить на вопрос «как получилось, что вермахт, несмотря на подготовку СССР к войне, захватил его огромные территории менее чем за полгода?» пытались и сами участники событий с обеих сторон и по «горячим следам». В мемуарах советских политиков (Н. С. Хрущев, А. И. Микоян) и военных (А. В. Горбатов, Г. К. Жуков и другие) вина возлагалась на И.В. Сталина или «обстоятельства непреодолимой силы» (не успели отмобилизовать войска, воссоздать танковые корпуса, полностью оснастить РККА новым вооружением и т. д.). Однако в 1960—1970-е гг. полемика велась в условиях цензуры, достаточно закрытых архивов, минимизации западных точек зрения (хотя мемуары некоторых полководцев вермахта, например, Г. Гудериана, Ф. Меллентина и др. в СССР в 1950-е гг. издали). В результате возникает официально одобренная доктрина, объясняющая поражение СССР в начальный период войны «вероломным нападением» Германии, мобилизованностью вермахта, упреждением РККА в развертывании и тому подобными факторами. Ее можно условно назвать концепцией «неожиданного удара».

Особенно ожесточенными дискуссии стали в заключительный период перестройки (1988—1991 гг.) и после ее завершения, уже в РФ. Открытие части архивных данных, отмена цензуры (выразившаяся в т. ч. в издании в подлинном виде мемуаров советских военачальников, особенно Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. Е. Голованова и др.), участие в полемике западных ученых и бывших соотечественников (включая В. Суворова), политизация вопроса, вынесение дискуссии на страницы газет и журналов — факторы, обусловившие остроту прений как среди специалистов, так и обычных людей.

В итоге в 1990—2000-е гг. в отечественной публицистике и научном познании оформились следующие теории, объясняющие поражение СССР летом— осенью 1941 г. Прежде всего речь идет о теории «упреждающего удара», который вермахт якобы нанес по СССР в данный период. Суть позиции: СССР готовился начать наступление первым в июле 1941 г., но Третий Рейх его опередил. Именно так объясняло миру нападение на СССР германское правительство в Ноте своего МИД советскому правительству 21 июня 1941 г. [Цит. по: 5, с. 45], некоторые немецкие военачальники (Э. Манштейн), часть офицеров (Г. У. Рудель). Однако превратить тезис в теорию смог живший на Западе бывший майор советской военной разведки В. Б. Резун (писавший под псевдонимом В. Суворов) в работах «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». В 1990-е гг. в РФ и бывших республиках СССР у него нашлось немало сторонников (И. Бунич и др.). В указанный период теория В. Суворова вызвала дискуссию среди отечественных ученых и публицистов [см., напр.: 1; 8; 11]. Поэтому нуждается не только в фактологическом, но и теоретико-методологическом анализе.

Однако если СССР готовился наступать первым, то почему он все-таки проиграл начальный период войны? Если РККА была сильной, то она должна была даже после неожиданного нападения дать отпор вермахту, выбить врага со своей территории. Раз этого не произошло, то исток поражений лежит где-то в другой плоскости. Например, в психологической. Такую теорию предложил М. С. Солонин. Он полагает, что причиной поражения РККА летом 1941 г. выступает <...> нежелание большинства ее солдат сражаться за режим большевиков и лично И. В. Сталина. Данную теорию можно назвать «ментальной».

Третья концепция причин поражения СССР еще более своеобразна, перекладывая вину за катастрофу 1941 г. на одного человека. И. В. Сталин как главнокомандующий вооруженными силами делал все, чтобы подставить РККА под удар вермахта, по простой причине: дабы страна и ее политическая элита перестала «грезить» идеями «мировой революции». Назовем ее теорией «сознательного (осознанного) разгрома». Она изложена в работе Б. Н. Шапталова [20].

Четвертая теория причин поражения СССР предложена А. А. Захаревичем. Он считает таковыми объективный (несовершенство экономической системы СССР) и субъективный (перманентную ущербность, косность мышления офицеров РККА, ведущую к большим потерям) факторы. Назовем ее «экономико-ментальной» концепцией.

В итоге ныне имеется ряд теорий, объясняющих причины поражения СССР летом 1941 г.: официальная доктрина «неожиданного удара (вероломного нападения) на

СССР»; «упреждающего удара Германии» (В. Суворов и др.); ментальная (М. С. Солонин); «осознанного разгрома» (Б. Н. Шапталов); экономико-ментальная (А. А. Захаревич).

В сложившихся условиях необходимо попытаться провести ревизию базовых положений данных концепций, сферы их применимости (какие факты объясняют или нет), каковы составляющие их обоснованные /необоснованные гипотезы. Кроме того, назрел период перехода в анализе данных теоретических конструкций от позиции отдельных авторов к реконструкции теорий в целом. Для решения задачи кроме общих методов (моделирования, сравнительного и структурно-функционального анализа) целесообразно воспользоваться и специфическим средством. По мнению автора, таковым может быть модель научно-исследовательских программ (НИП) И. Лакатоса. «У всех исследовательских программ есть “твердое ядро”. <...> Мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы <...> развивать уже имеющиеся или выдвигать новые “вспомогательные гипотезы”, которые образуют *защитный пояс* вокруг этого ядра... Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспосабливаться, переделываться или заменяться, если речь идет об интересах обороны» [7, с. 80—81]. Соответственно, у каждой исследуемой концепции можно найти «твердое ядро» (базовые положения) и «защитный пояс».

Подобный опыт может быть полезен и в методологическом плане. Ведь эвристические возможности НИП демонстрировались преимущественно к естественнонаучным теориям (классической механике И. Ньютона, теории относительности А. Эйнштейна), здесь же они будут применены для реконструкции концепций из гуманитарного (исторического) познания.

Наконец, в методологическом плане автору придется обращаться к контрфактическому моделированию прошлого [9; 10]. Ибо создатели указанных теорий часто апеллируют к описанию потенциального прошлого как средству обоснования собственной позиции, создают его сценарии. Последние служат важным источником Альтернативной истории как дисциплины [9]. Кроме того, на примере изучаемых концепций видны некоторые *общие* особенности (тенденции) построения теоретических конструкций в современном историческом познании, которые целесообразно зафиксировать.

Теория «неожиданного удара» 22 июня 1941 г. как причина поражения СССР

Теория «неожиданного удара» формируется в СССР сразу после начала Великой Отечественной войны. Руководству страны требовалось объяснить причины стремительного отступления РККА населению, настроенному ранее пропагандой в оптимистическом духе. Отсюда по выступлениям И.В. Сталина можно проследить эволюцию концепции [см.: 6, с. 275—276].

На торжественном заседании Московского Совета трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. (когда вермахт находился в пределах Московской области), глава СССР выделял такие причины отступления РККА. Во-первых, больший (в сравнении с РККА) опыт ведения боевых действий противником. «Наша армия и наш флот еще молоды, они воюют всего 4 месяца, они еще не успели стать вполне кадровыми, тогда как они имеют перед собой кадровый флот и кадровую армию немцев, ведущих войну уже два года» [Цит. по: 15, с. 138].

Во-вторых, отсутствие «второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск», т. е. армий США и Великобритании на европейском континенте, что позволяет нацистам единолично сосредотачивать силы на Востоке [15, с. 139].

В-третьих, недостаток «у нас танков и авиации», причем количественный (по качеству подготовки танкистов и летчиков РККА ситуация виделась позитивной), который объяснялся работой на немцев промышленности Европы. Причем «без этого обстоятельства Красная Армия давно разбила бы немецкую армию» [15, с. 140].

Примечательно, что только в приказе Народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. появляется новая причина поражений РККА — вероломство врага. «В первые месяцы войны ввиду *неожиданности и внезапности* (курсив мой — *В. Н.*) немецко-фашистского нападения Красная Армия оказалась вынужденной отступать, оставить часть советской территории» [15, с. 151]. Потом она станет «стержнем» объяснительных конструкций для данного периода.

После XX съезда КПСС, сделанного здесь доклада Н. С. Хрущева «О культе личности И. В. Сталина и его последствиях» виновником поражений 1941 г. стал бывший глава СССР. Причины трагедии лета 1941 г. искались и в игнорировании им предупреждений

разведки/зарубежных политиков (У. Черчилль) о грядущем нападении, и в сознательном запрете на перемещение промышленности в тыловые районы до начала войны, а войскам — на переход к обороне перед угрозой вражеского вторжения и т. д., но главным образом — в репрессиях среди военных 1937—1941 гг. «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело ...обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 гг., в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены <...> многочисленные кадры командиров... На протяжении этих лет репрессировано было *несколько слоев командных кадров* (курсив мой — *В. Н.*), начиная от роты, батальона, до высших центров... *А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры... Многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела* (курсив мой — *В. Н.*)» [21].

Вместе данные объективные и субъективные причины обусловливали набор базовых положений теории «неожиданного удара». РККА не ждала нападения вермахта 22 июня 1941 г., а потому встретила врага не в лучшем техническом и моральном состоянии, с приказами, запрещающими оказывать ему сопротивление, в стадии переоснащения вооруженных сил на новые виды техники. Это обстоятельство наложилось на меньший боевой опыт советских войск, чем имелся у врага, воевавшего с 1939 г., меньшее количество артиллерии, танков, авиации (в т. ч. утраченной в ходе отступления летом 1941 г.), отсутствие действенной помощи США и Великобритании на фронте. С 1956 г. причины поражения РККА стали искать и в действиях И.В. Сталина, т. е. перешли на субъективный уровень.

Защитный пояс теории «неожиданного удара» строится на базе некоторых положений, использующих контрфактическое моделирование прошлого и специфическую интерпретацию фактической истории.

Во-первых, демонстрация на эмпирических примерах исключительной стойкости РККА с замалчиванием иных фактов (дезертирства, массовой сдачи в плен некоторых красноармейцев, самовольного перемещения в тыл групп военнослужащих и т. д. [12, с. 34—36]).

Во-вторых, акцентирование преувеличенно негативного влияния на действия РККА приказов военного и политического руководства «не поддаваться на провокацию» из-за опасений спровоцировать вермахт на ответные действия. (В частности, речь идет о Сообщении ТАСС 14 июня 1941 г. о том, что Германия не собирается нападать на СССР [5, с. 41—42], якобы полностью деморализовавшем бойцов РККА, поверивших: войны не будет.) Здесь «виновным» после 1956 г. объявлен И. В. Сталин.

В-третьих, сравнением количества сил союзников на Западном фронте и СССР на Восточном. На этом основании вывод: РККА отступала в 1941 г. из-за отсутствия действенной помощи США и Великобритании в Европе (игнорируя при таком подходе поставки в СССР по ленд-лизу).

В-четвертых, утверждение о техническом отставании РККА от вермахта.

В-пятых, тезис о преувеличенном значении репрессий в РККА 1937—1941 гг. для ее боеспособности перед вермахтом. Поскольку на XX съезде КПСС Н. С. Хрущевым объявлено, что И. В. Сталиным уничтожены лучшие военачальники, то уместен вывод: они бы и выиграли войну «малой кровью». Приведем пример изложения подобной гипотезы в художественной литературе. В поэме Р. Г. Гамзатова «Люди и тени» (1962 г.) предлагается такое «виртуальное» начало войны:

«Бойцам запаса розданы повестки,
Пехота немцев лезет напролом
(?! курсив мой — *В. Н.*).
Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстать войскам в обличье боевом.
Пусть *гений ваш опять блеснет в приказе*
(курсив мой — *В. Н.*)
И удивит ошеломленный мир
Федько *пусть шлет к вам офицеров связи*[1]
(?! курсив мой — *В. Н.*)
И о делах радирует Якир
Но их, приговоренных к высшей мере,
Не воскресить и Богу, а пока
В боях невозместимые потери
Несут *осиротелые войска*
(курсив мой — *В. Н.*)».

Казалось бы, поэту можно остановиться, сказав: если бы не казненные полководцы, то РККА воевала бы гораздо лучше летом 1941 г. Однако Р. Г. Гамзатов идет дальше. По его мнению, места М. Тухачевского,

[1] Комментировать контрфактические «рассуждения» Р. Г. Гамзатова сложно. Почему вермахт, склонный к маневренной войне, вдруг «лезет напролом»? Видимо, в войсках И. Федько радиосвязи нет, но почему ее тогда используют в частях И. Якира? Странный сценарий ведения войны. У В. Суворова в «Ледоколе», например, он гораздо более обоснован.

И. Федько, И. Якира заняли непрофессионалы, что тоже обусловило поражения РККА.

...Еще года расплаты будут долги
И *обернутся множеством невежд*
(курсив мой — *В. Н.*)
И горьким отступлением до Волги,
И отдаленьем брезжущих надежд.

С подобным тезисом согласиться еще сложнее. Место казненных в 1937—1941 гг. военачальников заняли новые, включая Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, А.В. Горбатова и других, которых к «невеждам» отнести нельзя. Далеко не все они подверглись репрессиям в 1930-е гг.

Естественно, что тиражирование гипотезы о том, что сохраненные в 1937 г. военачальники не допустили бы врага до Волги, породило ответную, не менее категоричную реакцию. В. Суворов пишет в 1998 г. работу «Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?» [18], где доказывает, что «невежды» — как раз казненные в 1937 г. и позже военачальники, а сменившие их люди потому и смогли выиграть войну с немцами, что были образованнее и талантливее.

В целом в теории «неожиданного удара» начали сомневаться еще в 1960-е гг. «Какая такая была «внезапность», — ... не моего ума дело. Когда за стенкой гости придут, на стол собирают, и то людям слышно! А как это так, чтоб под боком целое войско собрали — и не слыхать, не знаю!», — говорит один из героев романа К. М. Симонова «Живые и мертвые» (1959 г.). Слабые места этой теории в 1990-е гг. вызвали волну критики, ее «твердое ядро» в условиях плюрализма мнений на какой-то период перестало вырабатывать новые гипотезы для «защитного пояса». Данное обстоятельство вызвало переход отдельных ученых и публицистов к противоположной концепции, когда отступление РККА в 1941 г. объяснялось провалом ее собственных агрессивных планов.

«Упреждающий удар» Германии 22 июня 1941 г. как причина поражения СССР

«Твердое ядро» теории «упреждающего удара» (и вытекающих из нее причин поражения СССР в 1941 г.) в версии В. Суворова [16; 17; 19] может быть сформулировано в следующих положениях.

1. СССР готовился к захвату Европейских стран с 1920-х гг. Для этого требовалось, чтобы данные государства были предварительно лишены самостоятельности, порабощены одной державой. Тогда СССР автоматически становился освободителем Европы от нацистской тирании.

2. Требовалась страна, которая сможет осуществить подобные тайные планы СССР. (Провал похода в Польшу Красной Армии в 1920 г. показал, что добровольно ни одно государство ее в Европу не «пустит», тезис лишний раз подтвердили события осени 1938 г. вокруг Чехословакии). Поскольку после поражения в I Мировой войне, реванша активно жаждала Германия, постольку ей И.В. Сталиным и была отведена роль подобного «Ледокола», «подминающего» остальные государства, выходящего в итоге к границам СССР.

3. Руководство СССР в 1930-е гг. делало все возможное (например, препятствовало через Коминтерн созданию единого фронта между социал-демократами и коммунистами в Германии), чтобы привести в стране к власти нацистов в лице А. Гитлера. Кроме того, еще в 1920-е гг. в СССР готовили немецких военных специалистов (ибо в Германии имелись запреты, вызванные Версальским договором 1919 г.): летчиков, танкистов и т. д.

4. При тайной помощи И.В. Сталина СССР и нацисты к осени 1939 г. нейтрализовали иные государства Европы и после пакта Молотова — Риббентропа (23 августа 1939 г.) совместно разделили Польшу. У СССР и Третьего Рейха появилась общая граница, что делало войну неизбежной [16—17].

5. Еще до заключения пакта (с 19 августа 1939 г.) руководство СССР начало формирование новых пехотных, танковых, авиационных дивизий, что тоже делало столкновение с Германией необратимым к лету 1941 г. Без начала войны «лишних» солдат бы просто пришлось распускать по домам [16, с. 246; 17].

6. СССР и РККА готовились только к наступательной войне. Для обороны же не делалось ничего или почти ничего [16, с. 250; 325—326].

7. Наступление вермахта 22 июня 1941 г. опередило аналогичные действия РККА «буквально на две недели» [16, с. 333]. СССР без атаки врага нанес бы удар 6 июля 1941 г. (операция «Гроза», о ее разработке см. [17]).

8. Поскольку ни организационно, ни тактически, ни стратегически РККА не был готов к обороне, он терпел поражения летом 1941 г.

Кроме базовых положений, концепция упреждающего удара В. Б. Резуна-Суворова включает и защитный пояс. Он состоит из ряда гипотез. Во-первых, о сокрушительном

для вермахта характере удара по нему РККА, ибо в отличии от советских вооруженных сил немцам отступать было некуда. Обоснованию утверждения служит написанная в «Ледоколе» в духе альтернативной истории заключительная глава «Война, которой не было» [16, с. 333—339], исходящая из предположения о переносе германского вторжения в СССР на 22 июля 1941 г. Во-вторых, тезис об исключительно оптимистичном для РККА характере боевых наступательных действий, базирующийся на своеобразной закономерности. «Ведь внезапность нападения действует ошеломляюще... Всегда ведет за собой целую цепь катастроф, каждая из которых тянет за собой другие» [16, с. 335]. Менее чем через полтора месяца после удара по врагу, в августе 1941 г., РККА уже проводит Висло-Одерскую наступательную операцию, успешно двигаясь к Берлину. (Позицию разделяют некоторые писатели, например, О. Герантиди в романах «На чужой территории», «Малой кровью, могучим ударом!»). В-третьих, тезис о поражении СССР в Мировой войне, ибо он в 1945 г. не смог уничтожить капиталистическое окружение вокруг себя. А потому якобы обречен на конечное поражение (ибо советские люди, имевшие возможность сравнения преимуществ капитализма и реального социализма, к 1991 г. выбрали первый). Отсюда вхождение в СССР «последней республики» (страны) выступало залогом существования социализма в будущем.

Впрочем, в теории «упреждающего удара» «ядро» тоже породило не всегда «тяжелые» для преодоления критикой гипотезы. Их опровержение достигается эмпирическим путем. В качестве «Ледокола» Германию первыми начали использовать англичане и французы, не препятствовавшие захвату немцами Рейнской демилитаризованной зоны еще в 1936 г. Вооружали вермахт в 1930-е гг. и концерны США, боровшиеся так с экономическим кризисом, начавшимся в 1929 г. Где пределы экспансии РККА в Европу 1941 г.? Тезис о захвате «всего мира» СССР можно вообще не обсуждать как фантастический. Конечно, по количеству вооружений РККА превосходила вермахт, но качество их, а главное — слаженность подразделений (даже не подвергшихся первому удару) оставалась низкой. Для В. Суворова вопрос решается экстраполяцией: «Всего этого (разгрома немцев РККА — *В. Н.*) не было? ...Нет, это было! Правда, не в сорок первом году — в сорок пятом!» [16, с. 339]. На самом деле немцы при гипотетическом ударе РККА летом 1941 г. не имели бы у себя в тылу силы союзных войск (как в 1944—1945 гг.), а потому могли нанести РККА, лишенной боевого опыта, серьезные потери и даже затормозить ее продвижение [4]. Так что обороняться все равно бы пришлось. Подобные сомнения в адекватности «защитного пояса» позволяют усомниться и в состоятельности «ядра» (базовых положений) концепции.

22 июня 1941 г. как «ментальное поражение»

Концепцию о поражении СССР летом 1941 г. как преимущественно психологическом явлении развивает М. С. Солонин. «Твердое ядро» позиции обобщим в следующих тезисах:

1. Синтез положений о подготовке СССР наступательной войны и тезиса официальной доктрины о внезапности нападения, но в новой интерпретации. Оказывается, И. В. Сталин и посвященное в замысел руководство РККА готовило провокацию, аналогичную инциденту в ноябре 1939 г., с которого началась атака СССР на Финляндию. Для этого в ряде приграничных районов ВВС РККА намеренно понизили перед 22 июня их боеготовность, чтобы якобы германские самолеты (на самом деле — советские) нанесли им максимальный урон. В реальности же эта «разбалансировка» ВВС РККА и пришлась на германское нападение, вызывав легенду о нападении врага на «мирно спящие аэродромы» [13, с. 170—171]. По сути, в методологическом плане такое предположение остается созданной по аналогии гипотезой, которую М. С. Солонин документально подтвердить не может. Однако оно отвечает на распространенную в СССР точку зрения, что «запреты сверху» на открытие огня по врагу стали важной причиной поражения РККА 22 июня 1941 г.

2. М. С. Солонин отвергает и с цифрами в руках опровергает положения как концепций «вероломного нападения», так и «упреждающего удара» о катастрофических поражениях РККА именно в первые дни войны с Третьим Рейхом. Причина проста: более 90 % ее личного состава и техники располагалась вне зоны действия германских ВВС, танков, пехоты. Иронизируя над теорией В. Суворова, М. С. Солонин сравнивает германские бомбардировщики с Валькирей, ибо каждый из них смог уничтожить «по одному советскому артиллерийскому полку» [13, с. 15].

3. Однако если РККА сохранили потенциал после удара вермахта, то что стало причиной ее отступления до Москвы? М. Соло-

нин отвечает четко: нежелание ее бойцов воевать за власть большевиков и И. В. Сталина. Этим объясняется большое количество исправной и брошенной техники, миллионы сдавшихся в плен красноармейцев. Только отказ в 1941 г. руководства Третьего Рейха помочь им вступить на «путь борьбы с большевизмом» и привел нацистов в 1945 г. к краху. **Значит, причина поражений РККА лежит в ментальности ее солдат.** «Ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА (выделено М. Солониным)» [14, с. 27].

В «защитном поясе» теории ментального поражения появляется, как и в концепции «упреждающего удара», обращение к Альтернативной истории. М. Солонин указывает (не развивая его подробно) и иной сценарий развития войны на Восточном фронте, если бы нацистское руководство оценило данный фактор: массовое нежелание бойцов РККА воевать за Советскую власть. Немцы могли бы: провозгласить независимость Украины; «распустить по домам всех военнопленных, а тех, у кого дом остался по другую сторону фронта, кормили бы бифштексами...»; немедленно распустить «колхозы и пообещать освободить всех узников ГУЛАГа после победы Германии и изгнания Сталина»; создать «антибольшевистскую русскую добровольческую армию и альтернативное русское правительство» [13, с. 482—483]. В реальности же уничтожение пленных РККА в нацистских концлагерях привело к ожесточенному сопротивлению немцам на поле боя остальных красноармейцев. Население же СССР, не получив от нацистской власти демократических свобод («антисталинское правительство»), поддержало режим большевиков как меньшее из зол.

На мой взгляд, нацисты на Восточном фронте искали прежде всего ресурсы для продолжения борьбы на Западном. Поэтому и не распустили колхозы, откуда продовольствие реквизировать удобнее, чем у крестьян-единоличников. М. Солонин призывает массово кормить бифштексами военнопленных РККА в немецких лагерях. Вопрос: ***где «лишние» бифштексы брать, если их не хватало в самой Германии?*** К тому же, как долго будут послушны немцам бойцы «антибольшевистской русской добровольческой армии» показал опыт РОА А. А. Власова в Праге в мае 1945 г.: до первого серьезного поражения.

Вместе с тем М. С. Солонин прав в том, что нацистское руководство плохо воспользовалось и не оценило в должной мере фактор «ментального поражения», который тоже действовал в июне 1941 г. (хоть и не в столь гипертрофированных формах).

Кроме того, вызывает вопрос и фактическое обоснование теории «ментального поражения». Как ее верифицировать? Количество пленных — не показатель. Каждый попадал туда своим путем. Сложно определить здесь главный мотив поведения человека. Военную технику бойцы РККА «бросали» на полях боев 1941 г. из-за отсутствия горючего, боеприпасов, для выхода из окружения, по иным причинам. Здесь тоже нельзя доказать исключительно «ментально-антисоветский» след таких поступков. Кроме того, есть немало фактов, когда летом 1941 г. бойцы РККА стояли насмерть в буквальном смысле слова. Так что и здесь вопросов больше, чем ответов.

В плане методологии составляющие защитный пояс гипотезы не предотвращают критики ядра теории. Первая из них сомнительна в принципе и невозможна к реализации, что признает сам М. С. Солонин [13, с. 482]. Вторая — не верифицируема.

22 июня 1941 г. как «осознанный разгром»

Подобная концепция выглядит достаточно логичной на фоне предыдущих. Теории «неожиданного удара», «упреждающего удара», «ментального поражения» возлагают вину за отступление лета 1941 г. на И. В. Сталина. Значит, закономерен вывод: он специально привел страну и РККА к поражению. Реконструируем базовые положения позиции.

1. Трехфакторный характер причин поражения РККА: техническая неготовность РККА к боевым действиям (РККА — «полуфабрикат», из которого предстояло «испечь» нормальную армию); антисталинские настроения в РККА, приведшие к частичной неустойчивости войск; намеренные «странные действия Сталина», облегчившие вермахту его победы [20, с. 24]. Заметим: первый фактор — важная составляющая теории «неожиданного удара», второй — «ментального поражения», но именно последний фактор — главный среди них.

Б. Н. Шапталов полагает, что И. В. Сталин с соратниками ***намеренно проводили мероприятия по дезорганизации вооруженных сил СССР накануне Великой Отечественной войны, чтобы привести его к поражению*** [20, с. 20]. Например, план немедленного создания новым начальником Генерального штаба РККА Г. К. Жуковым

20 механизированных корпусов, что «полностью срывало подготовку бронетанковых войск к войне» [20, с. 31], скученность советских самолетов на аэродромах Западного ОВО в июне 1941 г., «милитаристское» выступление И.В. Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий (якобы провоцирующее агрессию немцев) и др. [20, с. 30—31].

Теорию «упреждающего удара» Б. Н. Шапталов отвергает, но одновременно меняет в ней идеологический вектор. В случае превентивного удара РККА по вермахту в 1941 г. не погибли бы миллионы людей. Более того, «только недруги <…> России могут осуждать Сталина за нежелание воевать на территории врага. Но Сталин не выполнил свой долг правителя. <…> Не спас народы СССР <…> от колоссальных бедствий» [20, с. 20]. У Б. Н. Шапталова И. В. Сталин виноват в том, что позволил вермахту напасть на СССР, а РККА не дал ударить первой!

2. Наделение И. В. Сталина решающей ролью в данной фазе истории. Иные личности (Николай II, М. С. Горбачев) не являлись самостоятельными фигурами, зависели от правящей группы. И. В. Сталин — другое дело. Он «подмял по себя» управленческую элиту и «в значительной мере самостоятельно определял курс государства. Кто не вписывался в его цели — уничтожался». «Мог сделать с обществом практически все, что хотел» [20, с. 22]. А «захотел» И. В. Сталин ни много ни мало, как «подставить» СССР по удар вермахта.

3. И. В. Сталин поступал так странно в 1941 г., ибо «не хотел, чтобы Красная Армия появилась в Европе, и делал все возможное, чтобы этого не произошло» [20, с. 35]. Однако после победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. «отвести Красную Армию к прежним границам, ничего не взяв в замен, в Кремле не могли. В результате СССР о казался в геополитической ловушке» [20, с. 36]. Ему пришлось оказывать экономическую помощь «странам социализма» в Европе, пока он не распался, истощив себя. А будучи автономным государством СССР добился значительных успехов в ходе индустриализации 1930-х гг. Отсюда И. В. Сталин таким оригинальным образом (подставив свою армию под удар вражеской) хотел продлить подобный тренд [20, с. 37].

По сути дела, говорить в данном случае о защитном поясе теории нельзя. Альтернативного сценария развития событий здесь нет (хотя его параллельно разрабатывают некоторые писатели: Е. Чижова «Китаист», А. Лазарчук «Иное небо», Р. Харрис «Фатерланд» и другие). Концепция, как и у М. С. Солонина, сводится к ментальности, но уже не группы людей, а одного человека —правителя. Впрочем, как спорное допущение можно отметить наделение И. В. Сталина качествами «демиурга» истории, которым (вопреки даже инстинкту самосохранения) овладела определенная самоубийственная идея. В случае опровержения подобной волюнтаристической посылки под угрозой оказывается и «ядро» позиции.

Экономико-ментальная теория причин поражения РККА

Подобная концепция обосновывается А.А. Захаревичем. Она причудливо включает базовые положения иных позиций. Признает теорию упреждающего удара («совершенствуя» ее до приписывания СССР в 1941 г. желания оккупировать не только Европу, но Балканы и Турцию [2, с. 9]. Потенциальному сценарию такой операции посвящена работа А. А. Захаревича «Сталинский поход на Юг» [3]). Более того, согласен белорусский специалист и с тезисом В. Суворова о том, что к «неожиданной» оборонительной войне на своей территории «это государство (СССР — *В. Н.*) совершенно не было готово» [2, с. 9]. Солидаризируется с теорией «осознанного разгрома» (берется на вооружение положение о том, что оккупированные СССР в 1945 г. территории стали для него обузой, «камнями в почках» [2, с. 548], погубившими «империю»). Отсюда (не фактически, а по людским и материальным затратам, результатам и долгосрочным последствиям конфликта) СССР в данной концепции, как и в теориях «упреждающего удара» и «осознанного разгрома», видится проигравшей II Мировую войну стороной, что и предопределило его крах в 1991 г. [2, с. 545—548]

Позиция фокусируется на тезисе о непрофессионализме, отсутствии интеллекта у военачальников РККА, их привычке побеждать «большой кровью», что лишило страну около 50 млн человек, но исчерпало возможности «агрессивных замыслов» руководства СССР в 1945 г. Причина преодоления катастрофы 1941 г. и в целом перманентно возникавших до 1945 г. для РККА кризисов видится А. А. Захаревичу в помощи СССР со стороны западных союзников: как поставок по ленд-лизу, так и путем организации наступательных операций, оттягивавших с фронта РККА силы врага. Именно такое содействие США, Великобритании и личные ошибки А. Гитлера (вызванные кон-

спирологическими причинами) уберегло СССР от разгрома вермахтом в отведенные планом «Барбаросса» сроки: к осени 1941 г.

Почему РККА проигрывала летом 1941 г.? По мнению А. А. Захаревича, главная причина заключалась в том, что у СССР была слабая, «ущербная» экономика, которая не базировалась на рынке. Рыночная же экономика в период политических кризисов «становится *самозатягивающейся*. Ей просто не надо мешать, она все сделает сама» [2, с. 545].

Отметим входящие в «защитный пояс» теории А. А. Захаревича положения. Это — тезис об априорном превосходстве рыночной экономики над любой иной, о ее саморегулировании перед лицом кризисов. Утверждение, что государство с рыночной экономикой окажется всегда сильнее в военном отношении страны с командно-административной формой хозяйствования. Выборочный разбор операций РККА летом 1941 г., из которого А. А. Захаревич сознательно удаляет ситуации, не соответствующие его пониманию причин поражения СССР (удачный для РККА контрудар под Сольцами против танкового корпуса Э. Манштейна, трехнедельная оборона Полоцка от танковой группы Г. Гота и др.). В итоге картина предстает довольно однобокой, на что автор «выписывает» себе разрешение, заявляя: «я не описывал подробно ход боевых действий» [2, с. 9]. С таким подходом легко создавать потребные картины прошлого, подгоняя решение задач под «правильный ответ» в конце учебника, как любят делать некоторые школьники.

Впрочем, состоятельность подобных гипотез из защитного пояса тоже вызывает возражения уже на эмпирическом уровне. Во-первых, без значительного увеличения доли государственного вмешательства переход экономики любой страны к выпуску военной продукции невозможен. Во-вторых, страны с господством рынка (Польша, Голландия, Франция, да и Великобритания на континенте) были быстро разбиты Германией в 1939—1940 гг., где государственное регулирование экономики с приходом к власти А. Гитлера резко усилилось. В-третьих, почему-то экономика США в период «Великой Депрессии» 1929—1933 гг. не смогла самостоятельно «затянуться», что потребовало государственного вмешательства через политику «Нового курса» правительства президента Ф. Д. Рузвельта. В-четвертых, в начальный период войны на первое место в конкуренции вооруженных сил выходит боевой опыт, а иные факторы (экономические, политические и т. д.) сказываются позднее. Это прекрасно испытали на себе, например, США и Великобритания в период войны с Японией. Их вооруженные силы в первой половине 1942 г. капитулировали в Сингапуре и на Филиппинах в не меньшем количестве и порой после гораздо менее продолжительной борьбы, чем РККА, скажем, в Крыму в целом и в Севастополе в частности. В-пятых, при проверке теории автор идет лишь по пути верификации, отбирая в качестве иллюстрации подтверждающие ее примеры. Остальные просто игнорируются. Проверки через фальсификацию (при учете опровергающих ее случаев) теории А. А. Захаревича выдержать сложно.

Заключение

Из проведенного анализа вырисовываются следующие особенности исторических теорий.

1. Тяготение к конспирологии и игнорирование простых причин реализации событий. Перефразируя У. Оккама, «сущности умножаются без необходимости». Так, командовавший в июне 1941 г. 9 механизированным корпусом в Киевском особом военном округе К. К. Рокоссовский вспоминал, что он, обеспеченный техникой на 30 % от штатной численности, как «механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать, как штаб КОВО, так и Генеральный штаб» [12, с. 33]. Следовательно, о «превентивном» наступлении на врага в июле 1941 г. речи не шло. Хотя «судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед» [12, с. 32].

2. Гипотезам авторов часто придается квантор всеобщности. В официальной доктрине почти *все* талантливые офицеры РККА оказались казнены в 1937—1941 гг. и врага встречали преимущественно «невежды». У В. Суворова «*всю*» РККА не учили вести оборонительные бои и почти *все* ее запасы уничтожены в первые дни войны, ибо концентрировалось для наступления у границы. У М. С. Солонина опять-таки «*вся*» РККА не желала воевать. У А. А. Захаревича рыночная экономика *всегда* превосходит «командную», командиры РККА отбираются *исключительно* по принципу «тупой и еще тупее», на своих ошибках никогда не учатся. У Б. Н. Шапталова И. В. Сталин *полностью* подчинил себе систему управления в СССР. В итоге теории строятся на крайне абстрактных обобщениях, что не способствует их адекватной эмпирической проверке.

3. Интересен и «защитный пояс» теорий. Он в не традиционных концепциях причин поражений РККА в 1941 г., как правило, создается ретроспективно, с учетом судьбы СССР в 1991 г., которая в 1945 г. еще не была предопределенной.

4. О конкуренции теорий. По И. Лакатосу, взаимная критика научно-исследовательских программ — благо, не дающее «закостенеть», догматизироваться ее базовым положениям («ядру»). Что мы видим в данном случае? Картина весьма противоречива. Яростной критике подвергается официальная версия причин поражения РККА в 1941 г., причем со стороны иных теорий. В остальном идет спор из-за частностей.

5. Фиксируется процесс активного проникновения базовых положений одной теории в другую. Даже тезисы из критикуемой иными участниками дискуссии официальной концепции присутствуют в построениях ее оппонентов.

6. Концепции причин поражения РККА 1941 г. тяготеют к преувеличению роли И.В. Сталина в данной ситуации (вплоть до чрезмерного у Б. Н. Шапталова). Баланс же важного персонального фактора и иных, структурных (политических, экономических, стратегических, тактических и т. д.) пока не найден. Примечательно, что сам И. В. Сталин стремился в выступлениях искать факторы, обусловившие поражения армии, а не вину конкретных лиц.

7. Слабая проверка гипотез. Скажем, краеугольным камнем концепции «упреждающего удара» В. Суворова выступают нефтяные поля Плоешти (Румыния) как единственный источник, «питавший» немцев нефтью. Однако в реальности после утраты месторождений в августе 1944 г. вермахт продержался более полугода. «Ментальная теория» поражения РККА М. С. Солонина вообще не верифицируема. В итоге «защитный пояс» оказывается слабым, допускает критику «ядра».

8. Контрфактическое моделирование прошлого в данных теориях выступает не вспомогательным, а одним из главных средств обоснования (доказательства) правильности позиции.

---

1. Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Другая война: 1939—1945. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 157—184.

2. Захаревич С. С. Большая кровь: как СССР победил в войне 1941—1945 гг. Минск : Современная школа, 2010. 560 с.

3. Захаревич С. С. Сталинский бросок на Юг. Минск : Современная школа, 2011. 464 с.

4. Исаев А. В. Великая Отечественная альтернатива. 1941 в сослагательном наклонении. М. : Яуза : ЭКСМО, 2011. 288 с.

5. История Отечества в документах. 1917-1993 гг. : в 4 ч. Ч. 3. 1939—1945 гг. М. : ИЛБИ, 1995. 192 с.

6. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 274—315.

7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995. 236 с.

8. Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М. : Российск. Гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 488—521.

9. Нехамкин В. А. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение // История. 2017. № 2 (56). URL: http://history.jes.su/s207987840001059-3 (дата обращения: 04.02. 2020).

10. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

11. Печенкин А. А. Была ли возможность наступать? // Другая война: 1939—1945. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 185—211.

12. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М. : Воениздат, 1997. 479 с.

13. Солонин М. С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М. : ЭКСМО : Яуза, 2005. 512 с.

14. Солонин М. С. Июнь 1941-го. Окончательный диагноз. М. : Яуза : ЭКСМО, 2013. 576 с.

15. Стариков Н. В. Так говорил Сталин: сборник статей. СПб. : Питер, 2015. 240 с.

16. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую Мировую войну? Нефантастическая повесть документ. М. : Новое время, 1992. 352 с.

17. Суворов В. День — М. Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть—документ. Книга вторая. М. : Все для вас, 1994. 256 с.

18. Суворов В. Последняя республика. М. : Добрая книга, 2012. 392 с.

19. Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М. : АСТ, 2002. 344 с.

20. Шапталов Б. Н. Как организовали «внезапное» нападение 22 июня 1941. Заговор Сталина. Причины и следствия. М. : Центрополиграф, 2015. 351 с.

21. XX съезд КПСС. Доклад Хрущева о культе личности И.В. Сталина. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/XX_sezd_kpss/ (дата обращения: 04.02.2020).

References

1. Gor'kov Yu.A. (1996) Gotovil li Stalin uprezhdayushchij udar protiv Gitlera v 1941 godu? // Drugaya vojna: 1939—1945. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 157—184. [in Rus].

2. Zaharevich S.S. (2010) Bol'shaya krov': kak SSSR pobedil v vojne 1941—1945 gg. Minsk, Sovremennaya shkola, 560 p. [in Rus].

3. Zaharevich S.S. (2011) Stalinskij brosok na Yug. Minsk, Sovremennaya shkola, 2011, 464 p. [in Rus].

4. Isaev A.V. (2011) Velikaya Otechestvennaya al'ternativa. 1941 v soslagatel'nom naklonenii. Moscow, Yauza, EKSMO, 288 p. [in Rus].

5. Istoriya Otechestva v dokumentah. 1917—1993 gg. (1995): v 4 ch. Ch. 3. 1939—1945 gg. Moscow, ILBI, 192 p. [in Rus].

6. Kulish V.M. (1996) Sovetskaya istoriografiya Velikoj Otechestvennoj vojny // Sovetskaya istoriografiya. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 274—315 [in Rus].

7. Lakatos I. (1995) Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih programm. Moscow, Medium, 236 p. [in Rus].

8. Mel'tyuhov M.I. (1996) Sovremennaya istoriografiya i polemika vokrug knigi V. Suvorova «Ledokol» // Sovetskaya istoriografiya. Moscow,Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 488—521. [in Rus].

9. Nekhamkin V.A. (2017) *«Istoriya*, no 2 (56), p. 10. Available at: http://history.jes.su/s207987840001059-3, accessed 04.02.2020. [in Rus].

10. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].

11. Pechenkin A.A. (1996) Byla li vozmozhnost' nastupat'? // Drugaya vojna: 1939—1945. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 185—211. [in Rus].

12. Rokossovskij K.K. (1997) Soldatskij dolg. Moscow, Voenizdat, 479 p. [in Rus].

13. Solonin M.S. (2005) 22 iyunya, ili Kogda nachalas' Velikaya Otechestvennaya vojna. Moscow, EKSMO, Yauza, 512 p. [in Rus].

14. Solonin M.S. (2013) Iyun' 1941-go. Okonchatel'nyj diagnoz. Moscow, Yauza, EKSMO, 576 p. [in Rus].

15. Starikov N.V. (2015) Tak govoril Stalin: sbornik statej. St. Petersburg, Piter, 240 p. [in Rus].

16. Suvorov V. (1992) Ledokol. Kto nachal Vtoruyu Mirovuyu vojnu? Nefantasticheskaya povest' dokument. Moscow, Novoe vremya, 352 p. [in Rus].

17. Suvorov V. (1994) Den' — M. Kogda nachalas' Vtoraya Mirovaya vojna? Nefantasticheskaya povest'—dokument. Kniga vtoraya. Moscow, Vse dlya vas, 256 p. [in Rus].

18. Suvorov V. (2012) Poslednyaya respublika. Moscow, Dobraya kniga, 392 p. [in Rus].

19. Suvorov V. (2002) Ochishchenie: Zachem Stalin obezglavil svoyu armiyu? Moscow, AST, 344 p. [in Rus].

20. Shaptalov B.N. (2015) Kak organizovali «vnezapnoe» napadenie 22 iyunya 1941. Zagovor Stalina. Prichiny i sledstviya. Moscow, Centropoligraf, 351 p. [in Rus].

21. XX s"ezd KPSS. Doklad Hrushcheva o kul'te lichnosti I.V. Stalina. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/XX_sezd_kpss, accessed 04.02.2020 [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A. The theory structure in modern historical knowledge (as exemplified by the concepts of the causes of the Red Army defeat in the initial period of the Great Patriotic War): philosophical and methodological analysis // Socium i vlast'. 2020. № 1 (81). C. 116—127. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127

UDC 167.7; 930.2

THE THEORY STRUCTURE IN MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE (AS EXEMPLIFIED BY THE CONCEPTS OF THE CAUSES OF THE RED ARMY DEFEAT IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR): PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Valery A. Nekhamkin,
Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article considers some particular concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941, which have been formed in the historiography of the USSR, Russia and beyond since the 20th century until now. These theories are studied as varieties of I. Lakatos's research programs, which have some basic concepts ("solid core") and consisting of the hypotheses "protective belt". The author points out heuristic potential of each concept, its strengths and weaknesses in the methodological aspect.

The aim of the study is to consider the concepts of the causes of the Red Army defeats in 1941 in modern historiography on the basis of the model of I. Lakatos's research programs; compare these theoretical constructs with each other.

Methods The author uses the following general scientific methods in the study: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis. The model of I. Lakatos's research program is applied. As a means of cognition, counterfactual modeling of the past is involved.

The scientific novelty of the study. The author studies the concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941 on the basis of the model of I. Lakatos's research program. The author reconstructs the "solid core" concept or basic concepts of these theories, the "protective belt" and its hypotheses and analyzes the structure of both the official doctrine of the "treacherous attack" and alternative theoretical constructions. Comparing the concepts makes it possible for the author to see the relationship of their "solid core" and "protective belt".

Results. In modern historiography, a number of theories of the Red Army defeat in 1941 are revealed: the official doctrine of "treacherous attack", "preemptive strike", mental, "conscious defeat", economic-mental.

These theoretical constructions act as opposites of each other in the worldview and ideology. However, theoretical and methodological analysis and comparison of these concepts made it possible to state that there is a common methodological basis for each of them. This is a set of basic provisions and a "protective belt" consisting of hypotheses. A complex set of interactions is revealed between these elements in each theoretical construction. The positive role of mutual criticism of theories as a means of obstructing the dogmatism of knowledge is noted.

Conclusions. The concepts of the Red Army defeat in the summer of 1941 are only looking for common ground. The thesis confirms the fact of continuity of some basic provisions in each of them. The theories have a strong element of conspiracy theology. Hypotheses from the "protective belt" are often formed on the basis of the universal quantifier. This casts doubt on their truth in the case of empirical tests. Causal relationships are not always reasonably extrapolated from one period of the past to another. An exaggeration of I.V. Stalin's role in the events. These theories demonstrate pluralism of positions on the issue under discussion. The analysis showed that these concepts need further theoretical and methodological improvement. It is noteworthy that the model of I. Lakatos's research program, created mainly on the examples from the natural sciences, also works in the humanities.

Key concepts:
research program,
"protective belt",
"solid core",
concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941,
theory.